

Игорь Кабаретье

*СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ
ПАРИЖА В
ВЕНЕЦИЮ И
ОБРАТНО*

Паломники страсти

Игорь Кабаретье
Сентиментальное путешествие
из Парижа в Венецию и
обратно. Паломники страсти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24916524

ISBN 9785448547287

Аннотация

Литературный путеводитель по Италии и Венеции (издательство «Наивная принцесса», Париж, 1904 год, специально написанный для туристического агентства «Кук интернасьональ»), случайно обнаруженный мной на книжном развале в Париже.

Содержание

Часть I	5
Часть II	22
Часть III	40
Часть IV	52
Часть V	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сентиментальное путешествие из Парижа в Венецию и обратно Паломники страсти

Игорь Кабаретье

© Игорь Кабаретье, 2019

ISBN 978-5-4485-4728-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Литературный путеводитель по Италии и Венеции (Издательство «Наивная принцесса», Париж, 1904 год, специально написанный для туристического агентства «Кук интернасьональ»), и случайно обнаруженный мной на книжном развале в Париже.

Часть I

– Этри, я уверен, что вам просто необходимо отправиться в очередное путешествие.

Это фраза была обращена к высокой тонкой молодой женщине, одетой во всё белое, из-за чего она походила на длинного гибкого удава, брошенного чей-то небрежной рукой на изящное кресло.

– Вы действительно так думаете? – удивлённо спросила она и, протянув руки вперёд, сложила их затем за своим затылком на шее. – На самом деле, любимый, вы меня совершенно неправильно поняли... я лишь только чувствую себя немного утомлённой в последнее время.

– Да, да, мне это известно... слуги, новая кухарка, паутина в углах дома... не считая ваших бессмысленных скачек рысью на новой кобыле по окрестным полям и долам под предлогом успокоения нервов... но я их люблю... эти ваши нервы... правда, иногда...!

– Только иногда...?

Этри бросила обеспокоенный взгляд на красивого юношу,

только что произнёсшего эту казалось безобидную на первый взгляд фразу. Ах, как она его любила! Как он отвечал всем её вкусам и желаниям! И она боялась не угодить ему, чувствуя, что ей было бы абсолютно невозможно в этот день имитировать хорошее настроение, даже в угоду своему визави.

– Нет же, вы же знаете, что я вас люблю... да... – Ответил он, – Но в тоже время я настаиваю, что вам обязательно нужно путешествовать... хотя бы время от времени.

И став на колени у её ног и обхватив своими руками гибкое тело женщины, он бросил на неё пылкий взгляд и продолжил:

– Ваши глаза безмятежны, а в ваших губах нет желания. Скоро вы станете «маленьким вялым пустячком», и я вас больше не смогу любить!

Тщетность и честолюбивость этой угрозы искренне рассмешила Этри, ведь этот красивый юноша полностью зависел от неё... по крайней мере материально, и она, обняв его, поцеловала в лоб, словно клеймила свою собственность.

Было уже поздно. Этри поднялась в свою комнату, и вскоре место рядом с ней в большой кровати с витыми колон-

нами, обрамлённой темно-красными шторами, занял её возлюбленный. Тогда она бросила взгляд на свою просторную комнату, обставленную ею с таким тщанием и вкусом. Глаза женщины задержались на картине с античными руинами Юбера Робера... затем её взор скользнул по двум маленьким полотнам Джованни Каналетто, на которых праздничная Венеция в прекрасных позолоченных рамках соседствовала красивым юношей, который сейчас возлежал возле неё.

Этри посмотрела на него точно также, как только что осматривала на свои картины, с той же снисходительностью и удовлетворением. Эта гармония её очаровывала. Юноша ей нравился не менее красивого интерьера её спальни комнаты... он абсолютно, идеально вписывался в этот пейзаж и удовлетворял её вкусу. И однако... она всё же действительно чувствовала себя таким» вялым пустячком»!

– Да, Жан, кажется, вы действительно правы... мне необходимо совершить путешествие... маленький вояж... И я отправлюсь в Италию.

– Ах! Да, в Италию! В этой стране к вам несомненно вернётся любовь... желания... чувственность... и все остальные чувства, сегодня утомлённые чрезмерным потреблением парижских утех!

– Без сомнения! Какое тонкое замечание! Но вы ведь меня сопроводите в этой поездке.

– Сопровождать Вас...! Я должен вас сопровождать...?

– А разве нет? Италия... это ведь страна опасная... рискованная... и опьяняющая... вам ведь это прекрасно известно, так что вашу последнюю фразу я не могу трактовать иначе, кроме как указание на то, что вы меня посылаете туда «на-рочно», чтобы избавиться от меня. Но... как говорится в Писании: «Тот, кто любит опасность, заслуживает того, чтобы от неё погибнуть»... Ведь та, кого посылают искать любовь, может действительно повстречаться с ней и больше не вернуться!

В ответ юноша лишь нечленораздельно пробормотал что-то вроде: «Ох... ох!», обнял её, поцеловал в губы и добавил немного самодовольно:

– Ну нет... нет, это невозможно... мы с вами будем вместе навсегда! Всю жизнь!

А Этри, сияя, ответила:

– Вот в этом вы, возможно, правы!

Уже не в первый раз Жан пользовался этой уловкой. Когда Этри начинала томиться его обществом и отвлекаясь, буквально на его глазах начинала мечтать о чем-то новом, он начинал беспокоиться... прежде всего о своей судьбе, и тут же заводил разговор о путешествии.

Их любовь была настоль особенной, настоль уникальной... что разве не должен был он прилагать особенные усилия и хлопоты по уходу за таким редким цветком, как Этри?

Но при всем этом Жан оставался рабом своих страстей и удобных привычек. Возможные «Перемещения» в другие города и страны вызывали у него неподдельный ужас. Отели, железные дороги, бродячая жизнь и пара уже совершенных к тому времени поездок за границу полностью лишали его иллюзий о возможности получить удовольствие от путешествий, которыми можно наслаждаться в его понимании смысла определения понятия «наслаждение», в том числе эстетическом. Уже давно Жан отказывался сопровождать Этри в её поездках в другие страны, несмотря на печаль, которую ему причиняла разлука с ней, даже на очень короткое время. Он также нуждался в её присутствии, как в ежедневном кусочке фуа гра и бокале шампанского, светлом и теплом хлебце, от которых никогда невозможно утомить-

ся, и аппетит к таким удовольствиям, напротив, рос у него с каждым днём всё больше и больше.

Жан был юношей не только чувственным и сентиментальным, но и прагматичным, в определённой мере, и знал, что Этри не только обожала путешествия, но и возвращалась из них с новыми силами и эмоциями, более чувственная, любящая и изобретательная в любовных утехах, и это соединение чувств и страсти... разжигающее с новой силой жар желаний молодой женщины неплохо оплачивали ему ту большую жертву, на которую он шёл, позволяя ей уехать.

У Этри была подруга – прелестная, добрая, нежная, немного простоватая, но смышлёная и приятная в общении женщина, которую в Парижском обществе все называли графиней Флош.

Сама же так называемая графиня Флош любила, главным образом, своё собственное тело, свои удовольствия, поддержание своего каждодневного хорошего настроения и свой кошелёк. Именно графиню Флош, между тем, Этри попросила сопровождать её в путешествии.

– Как, дорогая Этри, – воскликнула зашедшая к ней

на чашку чая Флош, – вы хотите меня увезти с собой в вояж? Но вы ещё не знаете, какую кучу барахла вы потащите за собой в придачу к моей персоне! Кроме того, я по-настоящему неуклюжа, и при этом неприлично скупа... И, мой чемодан... какой мне брать с собой... и сколько? Мне кажется, что у меня нет ни одного... приемлемого в вашей компании! И затем, вам придётся мне дать список вещей, которые нужно взять с собой. Вы же знаете, что я никогда в жизни не путешествовала!

– Глядя на ваше лицо такого не скажешь! – ответила Этри, смеясь.

В то время, как Этри катила в фиакре, думая о сборах и чемодане, что в лице Флош навязался в компанию к ней, сама Флош, её будущая компаньонка в путешествии, отдыхала в своей маленькой элегантной квартирке на улице Готье-Виллар, мягко развалившись на уютной тахте, в шелках горы подушек. Длинная тонкая сигаретка немного нервно дрожала в конце её готических и холёных пальцев.

Несмотря на живое удовольствие, которое ей обещала эта поездка, Флош одновременно побаивалась компании Этри. Её в обществе описывали женщиной авторитарной, деспотичной, непримиримой к промахам и болезням других, поскольку у неё самой было железное здоровье! Боязнь, что она

не сможет отдохнуть в своё удовольствие, мучила Флош и, кроме того, она мысленно подсчитывала, сколько денег ей будет стоить это удовольствие. Но тщеславная радость от того, что Этри, эта столь особенная подруга, выбрала попутчицей именно её, перевешивала все её опасения, ведь на дружбу Этри было в Париже множество охотниц.

Флош набросала в блокнотике список всего того, что она должна была попросить у Этри в дорогу, после чего одела шляпку и побежала к ней, чтобы поговорить об их теперь уже совместном проекте.

– Ах! Как?! Вы у себя! Какая удача! Мне абсолютно необходимо побеседовать с вами до начала нашей поездки! Впервые... представьте себе, что я нашла хороший сундук. Так что теперь вы должны мне сказать, чем я должна его заполнить?

– Вам нужно взять с собой как можно меньше вещей, – ответила ей Этри. – Только самое необходимое: вечернее платье, немного украшений, ваш жемчуг, чуть-чуть белья, резиновую грелку, и хорошую обувь...

– А моя аптечка?

– Какая ещё аптечка?

– Ах! Моя дорогая... мы ещё не отправились в путь, а у вас уже появилось на лице строгое выражение... но вы ведь не знаете того, что нужно для такого старого организма, как мой! Мои пакетики с травками от головной боли, мои полоскания для рта, мой маточный раствор, морская соль...

Этри, слушавшая её достаточно рассеянno, медленно процедила сквозь губы:

– Всё это глупости. Не забивайте мне голову такими пустяками. Пусть ваш багаж будет обыденным, как этот серый парижский день, но крепким и, главное, с хорошими замками. Кроме того, у вас должен быть хороший чемодан, в который вы положите ваши обычные туалетные принадлежности... и из целлулоида... это намного легче... так что никакого столового серебра, нельзя перегружать багаж, отправляясь в путешествие. Эта элегантность, к которой вы привыкли, хороша для свадебных путешествий, пока ещё ваш новый муж достаточно свеж... и не утомлённый совместной жизнью, тащит за вами ваш багаж, как лакей!

– Но... вы мне говорите о чемодане таким образом, как будто он у меня есть!

– А бутики... модные... и не слишком... магазины... как

вы думаете, для чего их открывают?

– О! Вы же знаете, что там всё очень дорого... чемодан...! Мой сын Мельхиор мог бы ко мне дать свой, но это не совсем чемодан, а что-то вроде старой «корзины для пикника»...

– Нет...! Это действительно не приемлемо для столь изысканной графини, каковой вы являетесь! Следовательно, извольте отправиться со мной за приличным чемоданом. Мы не можем принести его в жертву. А сначала я вас отвезу на вокзал, нам нужно купить билеты в спальный вагон, а затем уже и хороший английский bag.

В карете, которая везла их к парижскому центру, Флош хранила молчание, а Этри соединяла приятное с полезным, небрежно перелистывая модный журнал.

– Вы действительно думаете, что мне необходимо провести ночь в спальном вагоне? – робко спросила её Флош. – У меня есть одна идея, и возможно, вы её одобрите...? Я хотела бы отказаться от спального вагона... стоит ли это дело доплаты приблизительно в сорок франков? Я предпочитаю на эти деньги купить чемодан получше. Если бы вы знали, сколько легко я обхожусь без сна! Спать? Это совсем не обязательно... я вполне легко перенесу одну ночь без сна!... Мне пришлось пережить много бессонных ночей во време-

на, когда был жив мой бедный муж... и его мучила неизлечимая страсть ко мне и моему телу! Ночью я и так вряд ли засну даже в спальном вагоне, главным образом, потому, что мы её проведём на железной дороге, к тому же плохо уложенной этими иностранцами... швейцарцами непонятных национальностей и итальянцами... В то время, как чемодан, это – выгодная сделка, которая будет сопровождать меня всю мою оставшуюся жизнь...

Этри позволяла ей нести всю эту многословную чушь, это откровенное пустословие, хотя и посматривала на попутчицу откровенно насмешливо. «Действительно, – думала Этри, – она вполне может провести ночь, погромохивая своими косточками в 2-ом классе, как „персик на камнях“ в утренней тележке зеленщика!»

Флош, утверждавшая, что её родословная брала начало от Людовика VI Толстого, была женщиной с тонкой талией, но, что называется, упитанной, с большой грудью и широкими бёдрами, вынужденная в силу этого носить специальный корсет «Докторесса»... одним словом, в совокупности и при некоторой снисходительности её смело можно было назвать миленькой пухленькой женщиной.

В агентстве у Кука Этри и Флош сделали заказ на билеты туда и обратно по маршруту Венеция-Готард-Милан и т.д...

Им пришлось долго ждать, пока клерки оформляли поездку, в окружении разнородного и многоязычного мира, как будто в какой-то парижской брассерии.

– Знаете ли вы, где мы будем жить в Венеции? – Спросила Этри Флош. – Ваши американские друзья, которые там живут... они вас встретят... приютят? Это была бы замечательная экономия средств!

– Разумеется, нет! Они сами по себе, а мы сами по себе, моя дорогая подруга, – ответила Этри, – Мои друзья там бывают только на несколько месяцев, и занимают 2-ой этаж величественного дворца, это правда, но... полуразрушенного и едва меблированного. И к тому же, Фанни очень практична... и я ей уже написала, чтобы она нам нашла хорошие комнаты в удобном отеле.

– И было бы хорошо... лучше всего... чтобы они были с элегантным видом на Большой Канал, Лидо, Побережье Адриатики... на всю Венецию, наконец! Я совершенно точно знаю, что хочу именно этого! Ах! Я уже заранее радуюсь, предвкушая, как я причёсываюсь по утрам, глядя в окно на всё это великолепие!... И затем, если я вдруг повстречаю там моих друзей? Ольтмар мне сказал, что там, вероятно, будет его сын... вы ведь его знаете, этого большого мальчика, влюблённого в одну очаровательную девушку, без

единого су в кармане? Его отец, дабы отвлечь сына от этого безумия, заставляет юношу путешествовать. О, этот Ольтмар! Как он прелестен, моя дорогая! Я надеюсь, что мы его встретим в Венеции. Он сразу же безумно влюбится в вас... и в меня, – и тут Флош вздохнула, – когда увидит, что я вас сопровождаю... Ах, нет, черт побери! Он слишком прелестен для меня, хотя и немного авантюрист.. но, впрочем, он не отказался бы от счастья стать любовником такой genuine графини, как я!... Таких немного осталось в наше время. Если он будет мил со мной, то я способна задержаться в Венеции и позволить вам уехать без меня... – И Флош мечтательно вздохнула.

– Ах! Считаете ли Вы такое возможным...?

– Возможным... Да... поскольку никогда ничего не известно заранее!

– Хорошо, посмотрим...

На следующий день, когда Флош снова навестила Этри, она выглядела немного обеспокоенной, и тут же спросила её:

– Вы уже получили ответ от вашей подруги Фанни отно-

сительно наших будущих комнат и гостиницы?

– Нет.

– Дело в том... что я всю ночь размышляла над этой проблемой. Мне кажется, что мы вполне могли бы остановиться в маленькой семейной гостинице... с пансионом, очень простым, дешёвым пансионом швейцарского типа. Так как в итоге вся эта роскошь, вид из комнаты (который необходим лишь только в том случае, если только больше делать нечего, кроме как в окно смотреть), и бурная жизнь большого отеля... к чему она нам? Я предпочитаю урезать расходы и на эти деньги купить себе красивый горшок... у меня страсть к горшкам, как вы знаете... или к каким-нибудь симпатичным безделушкам, которые мы можем сохранить навсегда, на всю жизнь.

– Но... а как же тогда ваша симпатия Ольтмар? – намекнула ей без обиняков Этри.

– О! На самом деле, я смеюсь над своими страстями... Это—как раз то, о чём я сама с собой разговаривала этой ночью. Порядок и экономия прежде всего!... Я хотела также у вас спросить... не собираетесь ли вы... не хотите ли вы посмеяться надо мной, если я снова буду с вами откровенна?

– О чём это вы, моя бедная Флош?

– Вам же известно о моей маленькой жёлтой сумке, которую я ласково называю мопсом, потому что кожа на ней, как на этой пухлой смешной собачке, уже лопается от количества любовных писем, которые мне написали мои воздыхатели, превратив её в этакий кожаный бочонок... Я хотела бы взять её с собой в наше путешествие.

Этри немедля взорвалась, как этот самый злобный мопс.

– Везти с собой мопса, набитого любовными письмами, чтобы подшучивать над ними в Италии! Да у вас едва ли хватит времени на это! Это – сущее ребячество!

– Дело, в том, что... Я ещё никогда в жизни не расставалась с ними...

– Поверьте мне, что всё в нашей жизни когда-нибудь происходит в первый раз! А то, что происходит с вами – это рабство. Потом вы будете злиться, что не положили в чемодан лишнюю пару ботинок, и в тоже время вы собираетесь взять с собой вашего монстра Мопса, который весит, по крайней мере, килограммов десять! Ах! Я могу вам сказать кое-что ещё! Вы вполне можете потерять вашего мопса на вокзале, и что тогда...? Понимаете ли вы, что это вас «не-поп-ра-ви-

мо ском-про-ме-ти-ру-ет»!

Этри произнесла эту пафосную фразу: «непоправимо скомпрометирует», чтобы испугать Флош, так как не было ничего более банального, чем этот сентиментальный груз, от которого она никогда не сможет избавиться, бедные письма, удручающие своей незначительностью, сентиментальное бремя, написанное на толстой английской бумаге, на которой, элегантные мужчины принимают или отказываются, по обыкновению, от приглашения поужинать.

Между тем, в конце концов, дошло до того, что агенты Кука им вручили билеты, разделив их и уложив в маленькие бумажники с фирменным клеймом этой знаменитой компании «Cook and C°», гарантирующей предоставление необходимого в путешествии определённого набора радостей и удовольствий.

Когда, вечером, снова объединившись дома у Этри под мягким светом зелёного абажура лампы, они разложили свои последние покупки, вуали, перчатки, записные блокнотики и сумочки для золотистых сирийский губок, Флош вновь заговорила о своих огромных тратах на новый большой чемодан:

– Я его купила, в конце концов, у Деви. Но вначале мне

пришлось обойти все магазины в городе, чтобы узнать цены на этот эксклюзивный товар. О! Мне пришлось израсходовать для этого шесть франков на фиакр, прежде чем я нашла этот прекрасный чемодан у этого грязного еврея! Но это – великолепная вещь, мой чемодан! Деви за него просил 95 франков, но я сумела сбить цену до шестидесяти, потому что он «делал витрину», как говорят, и выгорал на солнце под стеклом витрины. И он не из свиной кожи, а коровьей... и радужного цвета... наверное, из-за солнечных лучей.

Часть II

Наступил вечер отправления. Этри, поставив свою сумку в «первом классе», шла по длинному коридору поезда в поисках своей подруги, когда заметила в одном купе, выглядевшем, как чёрное логово медведя из-за полностью опущенных черных штор, неясный силуэт дамы, неподвижно сидящей в окружении многочисленных пакетов. Это была Флош собственной персоной.

– Ах! Вот и вы, наконец! – Сказала она тихим гнусавым голосом, словно сообщала страшную тайну. – Вы видите, я всё пронесла, сохранила и разместила. Это было совсем непросто... окружающие нас люди всего боятся... они не понимают того, что происходит... принимают мои пакеты за лекарства для больных и боятся подходить к моему купе.

– Мне это совсем не удивительно... Вы ведь путешествуете вторым классом...

– Да, я знаю. Расставшись с вами накануне в агентстве Cook, я много размышляла о предстоящем путешествии и решила ещё более деквалифицировать мой билет. А заодно и ваш. Я посчитала, что было бы слишком абсурдно расходовать деньги на бархатные подушки, если в два раза де-

шевле почти такие же подушки из репсовой ткани! Тогда я взяла себе подушки из репса.

– Хорошо. Теперь уже ничего изменить нельзя. Но мне, я надеюсь, вы сохранили мои бархатные подушки! Всё-таки мы запланировали эту поездку вдвоём... вместе, а не по отдельности, и об этом нужно было подумать!

– Нет, нет, не беспокойтесь я подумала обо всем. Я прекрасно знаю... понимаю, что в первый момент вы будете пребывать в бешенстве... ярости... а затем, напротив, будете очарованы тем изяществом, с которым действовала я в наших общих интересах, и будете рады тому, что я сделала для нас! В конце концов, это было сумасшествие, брать билеты в первый класс! Вы не заставите меня поверить, что вы устроены иначе, чем я, и что вы не выдержите два дня во втором классе, в том числе первую ночь?... И именно я, к тому же, ещё и положу сто франков в ваш карман!

Изумлённая Этри пробормотала про себя: «Какая наглость!», но вслух ничего не сказала. И Флош воспользовалась этим шансом, секундным замешательством Этри... торжествуя, тут же, накинув на голову капюшон, подложив подушку под спину, и прямая, как идол с острова Пасхи, графиня Флош заснула. Этри, благодаря многочисленным подушкам, разбросанным повсюду, сделала тоже самое, присо-

единившись к ней.

Базель. 6 часов утра.

Träger, Gepäck?

Ja wohl.

Buffet?

Ja wohl.¹

Бодрым шагом наши пилигримы вместе спустились с вагона и устремились к обеду. Была пересадка, их вагон дальше не следовал «N 18». Рядом с их чемоданами, с ремнём, перекинутым через его голубую блузу, стоял носильщик, похожий из далека на фаянсовый горшок Дельфтского фарфора или старую сову, застывшую в раздумьях о жизни.

– Итак! И что вы ожидаете? – закричала ему Этри. – Schnell!!! Schnell!!! Быстрее!!!

– Nein. Нет.

– Что, Nein?

¹ – Träger, Gepäck? – Ja wohl. – Buffet? – Ja wohl. (нем.) Носильщик, Багаж?. - Да, пожалуй.– Буфет? – Да, пожалуй.

– Kann nicht das tragen, zu viel!² – сказала он невозмутимо, показывая своим перстом на кучу сумок.

– Позовите товарища.

– Nein, zu viel³.

Мозги Этри начали закипать. Старая сова, очевидно, не хочет ничего знать и понимать... и иметь ничего общего с её багажом. Почему ей достался такой носильщик, неспособный унести её чемоданы? Наверное, так суждено в её жизни, чтобы ей не везло на носильщиков и фиакры, с которыми у неё тоже всегда были проблемы.

В это время, пока Этри пыталась разбудить энергию старого грузчика, обещая ему безумные суммы, чтобы разжалобить его и побудить на служебный подвиг, Флош невозмутимо и безмятежно отправилась на завтрак. В конце концов, отчаявшись, Этри даже стала угрожать носильщику, обещая вообще ничего не заплатить... Старое пожухлое растение в голубой форме в ответ невозмутимо и безучастно развернулось и попросту ушло.

² Kann nicht das tragen, zu viel (нем.) – я не могу это унести, слишком много.

³ Nein, zu viel (нем.) Нет, слишком много.

Да чтоб ты провалился, старый пень, и я тебя больше никогда в жизни не увидела! – воскликнула Этри.

Время, между тем, поджимало. У неё оставалось не больше шести минут для транспортировки многочисленных сумок её багажа. Не отчаиваясь, она стала просить проходящих вокруг неё служащих поездной бригады помочь ей, но, к несчастью, как только эти работники замечали многочисленные изделия из «свиной кожи», то тут же, и это какой-то рок, они покачивали головой и уходили прочь с загадочным видом, как будто где-то рядом им предстояло спасти мир от неминуемой катастрофы.

Но, однако, этот спектакль было пора заканчивать, и наслаждаясь видом капель пота, проступающих на лбу начальника станции, после вежливого обращения, в соответствии с правилами политеса XVIII-го века при, Этри узнает, что постановление, датированное этим самым сегодняшним утром, запрещает любому носильщику принимать к перемещению «чемоданы, посылки и другой ручной багаж», превосходящий своими размерами 0,80 x 0,50, по угрозой увольнения!

В то время как Флош в буфете поглощала отличный, но дорогой швейцарский завтрак, оповестили об отправлении поезда. Вдруг Этри увидела в окно буфета, как Флош,

судорожно засунув целиком в свой, как оказалось, бездонный рот, практически целиком последний пирожок, выскочила на перрон, вложила ей в руку одну из сумок, в другую ручку слишком знаменитого чемодана от Деви, а в свои вставила ручки остального багажа, подняла его над своими дрожащими коленками, и они побрели в сторону своего вагона перед остолбеневшим начальником станции, ошеломлёнными носильщиками и заморожёнными этим зрелищем пассажирами поезда.

Флош, под гнетом груза, сумела выдавить из себя жалобным голосом.

Боже мой! Ну и поездка! Дорогая, как же я была права, какое это страдание и мучение! И насколько мне было удобнее в моей милой квартирке на улице Готье-Виллар...! Но, тем не менее, вы делаете успехи. Я ведь вас никогда не просила экономить на чаевых для носильщиков... Trinkgeld du Trager! Чаевые за лень!

Потом, свалившись на диван в купе поезда, Флош обнаружила маленький кусочек ароматного швейцарского сыра, застрявший в уголке её десны, и убеждённо добавила:

Этот швейцарский завтрак пошёл мне пользу. Самый настоящий отдых после ночи на железной дороге. И затем,

к счастью, там был чай из Цейлона, потому что я не переносю чай из Китая! Масло... масло было не плохое... Я съел три разновидности чёрного хлеба с маленькими кусочками паштета сверху.

Только заметила ли она, эта добрая Флош, что обращалась к пустому желудку Этри?...

На этом перегоне произошло изменение статуса поезда до скорого на маршруте Люцерн-Сен-Готард. Этри сидела в купе для курильщиков: красный бархат, розовое дерево, английские джентльмены.

– Эта Швейцария... как она мне надоела, – тихо произнесла Этри. – К счастью, весна немного скрашивает однообразие этой страны... бледно-жёлтыми иголками лиственниц и цветением вишни на склонах гор. Но всё равно... как сера эта страна... как холодная ветка зимней груши!

Флош, которая стояла в коридоре и, по-видимому, не слышавшая слова подруги, вдруг спросила её:

– Вам нравится Швейцария? А я её не люблю. Для меня эта страна чересчур ухоженная... искусственная.

– О! Я знаю, – ответила Этри, – что вы питаете слабость

к банальности.

– Банальности? Но, моя дорогая подруга, вы меня не понимаете... я же вам сказала, что... напротив, я не люблю не Швейцарию, а швейцарцев... и это уже не банально.

– Я тебя прекрасно поняла... и услышала, разумеется, – воскликнула, улыбаясь Этри.

– Значит ты считаешь, что я сказала какую-то глупость?

– Нет. Но я, к сожалению, не в восторге от этих швейцарских соломенных шляп...

– Они прелестны! Бесподобны!

Решительно, Флош любила заурядные места.

В вагоне для курильщиков все было обустроено, как в настоящем салоне для курения в доброй старой Англии, а Этри искренне и непродуманно тянулась к таким местам, словно в давние времена английские аристократы привнесли немного своей крови в её родословную. У нее с детства была тяга и вкус к таким естественно натуральным местам. И когда она допускала в своей голове такие суждения о стране, то думала, разумеется, и о местных жителях. Однако, её ужасный со-

сед в этот момент должно быть был берлинцем... его голова биржевого маклера была похожа на головку сыра, и она сразу поняла, что это не к добру, но чтобы немного поболтать и скрасить время, Этри обратилась к нему с речью на немецком языке. Правда, головка сыра ответила ей на французском языке. Таким образом, они нашли общий язык.

А затем... табак редкой ручной нарезки Hombrespun... и смесь Heather Mixture торжествовали на кожаных креслах коньячного цвета, и этот запах содержащего опий табака, немного опьянил молодую женщину.

Один старый, но все ещё полный здоровья, джентльмен, краснощёкий после утреннего бокала виски, и блестящий, как первая вишня, что Этри приносили на десерт по весне, увенчанный титулом баронета, держал в своём маленьком, девственном и немного смешном рте короткую вересковую трубку. Его лицо, обрамлённое тонкими белоснежными бакенбардами, подстриженными, как самшитовый бордюр на краю его усадьбы... красная роза в петлице и мягкое от бесконечного удовольствия, начавшегося ещё в утробе его благородной матери, тело, казалось, пребывали в своём собственном доме и были в полном равновесии и гармонии с обстановкой в курительной комнате. Рядом с ним сидел юноша, довольно взрослый... его сын. То же тело, тоже лицо, но только на тридцать лет моложе... и как это обстоятель-

ство красило его! Ах... Какие зубы! Ах! Этри хорошо себя знала... и знала, что произойдёт дальше...! Дальше... Она подумала о сладости поцелуя, который ей дал бы этот слегка арочного абриса рот, немного пухлые губы, прорисовывающие чистую небесную арку с алым языком, как рот Давида работы Микеланджело. Она почти чувствовала, самовнушением, касание этих губ на своём тонком рте и испытала что-то вроде волнения.

Её взгляд спустился вдоль ног молодого человека... они были сухопары сильны, мускулисты и напряжены под тонкой тканью его брюк. Она чувствовала каждый его мускул, и кожа её рук покрылась пупырышками вожделения.

– Он красив, этот юноша, – думала Этри, – и на сколь мало он об этом подозревает! Его занимает только его шотландский жилет и своими усталыми жестами и позами, которые он принимает, юноша напоминает Марса Сандро Боттичелли?

Англичанин наконец-то заметил, что за ним наблюдают. Под его естественно трагической аркадой бровей истекал мягкий, но внимательный взгляд. Этри, удовлетворённая тем, что её заметили, поддержала его, постаравшись придать своему поменьше кокетства, а побольше восхищения, что обычно безотказно действовало на мужчин.

– Этот взгляд! Это настоящее событие, – говорит она сама себе, – и это тело...! Он должен быть невероятно красив... обнажённый, в этой великолепной позе чувственной лени!

Этри подумала о рекомендациях Жана... и улыбнулась... ведь она ещё не добралась даже до границ Италии, а его предсказание уже стало сбываться, и пробормотала сама себе:

– Решительно, невозможно скучать в поездке, когда в ней появляется смысл...

За окном один пейзаж сменял другой. «Маленькие ели, и зелёные ставни, – напевала Этри, – знаете ли Вы, где я вас хотела бы увидеть? У входа в дом в новогоднем убранстве!» И она закончила со вздохом: «Желать, мечтать... это – единственная острая приправа в нашей пресной жизни... такая же, как яркое солнце, когда оно выходит из-за облаков.»

В Люцерне этот английский юноша Дик Стратмор – а именно это имя она прочитала на его чемодане – вышел из поезда вместе со всей своей семьёй. Он простился с Этри в облаках ароматного табака, который окутывал их благода-

ря порыву ветра его трубки, и это нежное покрывало скрывало его напряжённый взгляд. Внезапно она почувствовала, что крайне удручена этим расставанием... буквально разбита... уничтожена... ей показалось, что солнце исчезает с её горизонта... и надолго, хотя ты рассчитываешь, что оно будет светить до конца дня.

«Кажется, я уже почувствовала вкус к этому молодому британскому самцу, – сказала она себе. – Глядя на его рот хочется оказаться вместе с ним на узком канapé. Он неплохо сложен! И какая походка... какой шаг...! До свидания, Дик!»

У двери она отвернулась, чтобы пройти в своё купе. Услышал ли он звук её слов: «До свидания?» На набережной, англичанин вдруг повернулся, поднял глаза к Этри, посмотрел на неё, затем вновь медленно закрыл свои веки, как будто взор его глаз наткнулся на слишком яркий отблеск солнца.

Этот жест её взволновал. Что он означал... после всего, что между ними... не произошло? А дым его трубки? Всего лишь угольная пыль? Он видел только её, или это действительно был лишь всего лишь только солнечный зайчик?

Но, в глубине души она знала, была уверена, что его глаза остановились на её прекрасном изображении... при виде её образа... в произвольном почтении к её красоте... воз-

МОЖНО...

Флош вывела её из задумчиво-мечтательного настроения, в то время, когда поезд начал пробежку по берегу водной глади озера.

На сколь прекрасно это озеро... Люцерна! Luzerna! Италия! Italia! – Напевала она мелодию на стихи сонета Сорренто Джованни Боккаччо. – Мне бы очень хотелось приобрести почтовые открытки с этими видами для детей. Не могли ли бы Вы мне их купить на ближайшей остановке?

Этри, которая и сама коллекционировала такие почтовые открытки, была чрезвычайно любезна и, спустившись с подножки поезда на первой же станции, она выбрала самые интересные, и оплатив их, принесла в купе.

– Но ведь это дорого! – сказала Флош, с очевидным удовольствием принимая подношение. – И это ради мест, которые мы видели лишь мимоходом, и названия которых даже невозможно прочитать: Кюснахт! Что это такое.... Кюс... Нахт? Мой язык может сломаться, произнося такое. Для названия заурядной станции это просто смешно! Эти швейцарские имена и названия деревенок меня ошеломляют, и затем... это слишком дорогостоящая поездка... моя скупость меня просто душит... О! Как я страдаю!

Эти словесные излияния немного развлекли Этри, и она спросила:

– Вы пойдёте завтракать?

– Я?... Но я совершенно не хочу есть!

– Прошу прощения, моя дорогая... но, зная вас, не могу не полюбопытствовать... есть ли какой-то тайный смысл в вашем нежелании пообедать?

– О чём вы говорите? Тайный смысл? Ах! Я понимаю! Вы имеете в виду мою скупость? Впрочем... я не стыжусь вам в этом признаться, худеть и беречь – вот мой принцип и, как говорят, яйца в моем лукошке – это две заботы, которые никогда не оставляют меня.

– Очарована тем, что, наконец, узнала ваши основные принципы... впредь я вам буду доверять.

– Вы же так не думаете всерьёз! А как же быть с моей маленькой сумочкой, которую я не смогла оставить!

– Что! Сумка? Какая сумка? (И она ищет глазами Мопса).

– Да, эту, совсем маленькую! Не ругайте меня, я туда положила лишь мои деньги... и только оба письма, которые мне прислал Ольтмар.

– Вы меня начинаете раздражать. Вы обезумели!

– Не совсем и не настолько! Неужели вы думаете, что я не знаю, что Ольтмар богат? Я его буквально культивирую... как редкое растение... главным образом, ради его подарков... и его автомобилей... ложь в театре и премьер в нем... билетов на бег на ипподроме. Так что... что касается сакральной фразы насчёт «текущей слюны»... да, я отужинала с ним!

И Флош грустно посмотрела на Зелисберг и на Фирвальдштётское... или Люцернское озеро, как женщина, которая никогда в жизни больше не сядет за обеденный стол. После чего довольно-таки театрально лишилась чувств... Несколькими мгновения спустя, осознав, очевидно, что не добилась ожидаемого успеха, она стала что-то лепетать, будто была по-прежнему была не в себе... по любому поводу... на любую тему, рассуждая по поводу цвета воды в озере, отражений на нем облаков и окрестных вилл, цветов, памятника Шиллеру... после чего неожиданно обратилась к псевдо-берлинцу:

– Герр... не знаете ли вы, это действительно могила Шиллера?

– Нет, мадам, здесь покоится только его сердце.

– Ах! Неужели здесь можно увидеть его сердце! Сердце столь великого человека, такого поэта!... И они его вырвали... его пламенное сердце... из его мёртвого тела... бессердечные! И они его туда засунули... в этот огромный холодный камень на берегу озера. Это бедное сердце! Сколько поэтического вымысла, месье! Только немцы могут себе позволить иметь такую чувствительность. Ах! Любовь, любовь! Разумеется, Ольтмар это оценит, ведь у меня такая увлекающаяся натура. Как я буду прекрасна в своём печальном образе.

– Ах, этот бедный Ольтмар, – продолжила иронично Этри, – вы сделаете его несчастным... ведь он ещё даже не подозревает, что имел возможность... и мог вас реально полюбить.

– Да... именно это так ужасно, и этой малости достаточно, чтобы отравить мою поездку!

Озеро было холодно, серо и туманно в этот утренний час, буквально леденя своей сыростью все вокруг.

Этри ожидала, как в театре, окончательного апофеоза этого действия на фоне красот Готарда, на которые она всерьёз рассчитывала, дабы восстановить своё хорошее настроение... но, когда они появились перед её глазами во всей своей первозданной серой строгости, с пятнами зелени кустов и деревьев, девственными, каменистыми, узкими и глубокими ущельями... величественными, если не принимать во внимание тот факт, что она паталогически не любила зелёный цвет. Всё это её раздражало настолько же, как лицезрение плохой картины.

– Это вас довольно-таки сильно дискредитирует, моя дорогая! – произнесла Флош с упрёком. – Эти вечные снега, эти грандиозные пики, эта невероятная природа, и это необычайное творение человеческих рук-железная дорога... разве эти чудеса не перевернули вашу душу...? И если задуматься над тем, что именно мы, люди, нашли способ победить этих каменных монстров, чудовищ, сделать их полезными для нас... это мне напоминает историю про мышь, которая роет проходы в сыре! Это великолепно! И это ущелье...

– О! А это ущелье... Представьте... Если подумать о прекрасной женской груди... о расселинке между ними... есть с чем сравнить! Не правда ли?

– И это говорите вы...? Хорошо... А эти каскады?

– Что...! Каскады? Зрелище постоянной «pissevaches».

– Мочится... Кто?

– Я говорю о *pissevaches*. Справляющих нужду коровах. Разве это не меткое определение. В Швейцарии, как вы действительно знаете, все каскады похожи на *pissevaches*.

– Нет, я действительно не понимаю, о чём вы... Хотя... если задуматься, ваши слова, кстати, вполне разумны... Действительно – если посмотреть сзади на коров во время этого физиологического акта, мои бедные каскады походят именно на этих прекрасных коров, которые дают так много знаменитого швейцарского молока... из которого пейзажки производят прекрасное швейцарское масло... и столько хорошего мёда!

– О! Главным образом мёда... моя милая Флош!

Часть III

Обед, от которого Флош, экономии ради отказалась, как всегда подавался во время извилистого подъёма на Готард, в то время, когда остальные блаженные туристы, тоже, как обычно, прильнули своими восторженными носами к грязным стёклам окон вагонов.

Только Этри и одна влюблённая пара устранились от участия в массовом любовании швейцарским пейзажем. Пара, как и все влюблённые, выступающие в этом оригинальном жанре, пожирала друг друга глазами, будто голодающие на строгой диете, смотрящие поутру на омлет со специями, зеленью и телятиной, грибами и томатами. Женщина, американка, будучи женщиной достаточно свежей на первый взгляд, но не очень молодой, была не обременена бюстгалтером на груди и смело демонстрировала её величие под лёгкой тканью блузки. Когда американка прилагала усилие, чтобы разломать свой немного пережаренный хлеб, её грудь колыхалась, как колокол на соборной колокольне.

– Вот то, что они предпочитают, эти мужчины! – вздохнула Этри, поглаживая и лаская одновременно ладонью сочную грудь Феллаха, маленького арапчонка, который прислуживал ей. – Боже! На что способен наш мир! Мы гото-

вы сожрать все... и даже этого милого мальчишку в возрасте тринадцати лет, – подумала она!

Этри, неожиданно для себя захотела... возжелала этого ребёнка с неказистой фигурой, скверные манеры которого оскорбляли её красоту, и когда Этри встала, в то время как он старался вежливо помочь ей одеть её пальто, она вполголоса сказала мальчишке:

– Большое спасибо вам, мой маленький господин, и, поскольку вы столь вежливо слушали пожилую даму, могу вам дать один практический совет: имея такое красивое лицо, которым вы уже обладаете, вам впредь следует позаботиться о чистоте ваших ногтей и постараться больше не есть пальцами, используя для этого столовые приборы. – И Этри ушла с гордо поднятой головой.

В купе она увидела Флош, ожидающую прибытия в Гёшенен, на станцию у входа в Сен-Готардский туннель.

– Что! – воскликнула она, увидев Этри – Göschenen! Гёшенен! Опять смешное швейцарское название. Северный вход в туннель, если я не ошибаюсь! И даже пяти минут остановки нам не дают эти швейцарцы, чтобы подготовиться к прохождению поезда под этим ужасным нагромождением скал и льда!... Мои соли! Где мои соли с лавандой? – И Флош

стала нервно рыться в своей жёлтой сумке.

— Хватит ли у меня времени найти и достать их...? У меня, вполне возможно, большое сердце, после всех тех несчастий, которые со мной случились в последнее время! Я прочитала в газете, что воздух в этом туннеле столь тяжёл, столь гнетущ и зловонен, что для нормального человека он невыносим... Ах! Мой Бог! Мы уже в этой дыре... отверстии, а я до сих пор не нашла моих солей... какая фатальность! Ах... Вот и они, наконец-то!

И когда Флош поднесла свои волшебные соли к носу, в купе вновь появился дневной свет. Весеннее солнце взорвалось, воспламеняя ледники итальянского склона гор... окрасив серебром холодные пики Альп, рассеявшихся вокруг них в кружок, словно шаманы аборигенов из диких американских племён.

Они, эти горы, были одновременно красивы и мало симпатичны. Этри, испуганная, отвела глаза от окна... ей уже казалось, что это она виновна во всех несчастях Флош.

Но поезд на полной скорости унёс её вдаль от этих чудовищ. На большом расстоянии, увенчанные лёгкими белыми облаками, они уже не казались ей такими угрожающими. А Флош, между тем, что-то усердно записывала в свой

блочнотик: «Я считаю, вполне обоснованно, что француско-швейцарский склон горы – инженерное совершенство. Итальянский же – это сама мать природа и поэзия!»

И когда, через её плечо Этри прочитала эти строки: «Природа и поэзия», они показались ей таким невероятным деликатесным пустячком рядом с простоватой Флош. Эти слова прокатились много раз в её рту, оставив в нем вкус леденца. «Природа и поэзия!» – к чему говорить больше? Разве... просто ещё раз произнести итальянское название городка Беллинцона... разве это уже не романс... не поэзия? И этот столь чувственный язык, сотканный, главным образом, из согласных, не придуман ли он для того, чтобы быть приятным для рта и ушей человеческих! И все это во время оглушительной весны... какое Божье благословение! И неужели свершилось... мы уже в Италии?

Стены деревенских домиков тем временем окрасились в розовый цвет, цвет оплетающих стены кустов. Этри отрегулировала свой лорнет. Какой вид? Роза многоцветковая! Маниакально увлечённая пейзажем, она могла увидеть растение и назвать его в соответствии с его классическим обозначением в каталоге. Страсть к природе и ботанике преследовала её всю жизнь, и Этри буквально подавляла своих подруг умением упоминать к месту названия растений, окрашивая их варварские простонародные названия классическими опре-

делениями на латыни. Этри жалела весь мир, и в частности, сегодня, Флош, не раня её самолюбие и не пробуя в её присутствии изъясняться латинскими терминами.

В Кьяссо по вагонам распространился слух, что поезд собирается надолго остановиться. Это была официальная граница, итальянская таможня, и забастовка железнодорожников подспела как раз к этой станции. Несколько военных тянулись уже вдоль перрона вокзала, чтобы оповестить всех о происходящем. Флош принялась оплакивать своё путешествие. Усатые таможенники кричали в специальные раструбы о досмотре багажа. С ключами в руках Этри спускалась с подножки вагона, когда кто-то рядом тихо произнёс её девичью фамилию... Странное ощущение, которое она при этом испытала в это мгновение, позволило ей ощутить себя на десять лет моложе. Она повернулась и оказалась визави с двумя молодыми женщинами с приветливыми лицами... и по виду они ей показались иностранками.

– Неужели это ты, Джозефа...?! – и их голоса угасли в радостных лобызаниях и объятиях.

– Как, ваше Высочество! Какой любопытный случай, какое совпадение привело к тому, что мы с вами встретились в Кьяссо?

Принцессы объяснили, что затеяли эту свою поездку к умирающему дяде. Они говорили об Эдварде, Уильяме, о Умберте и Франце-Иосифе, их всех увенчанных коронами головах, как Этри называла их братьев и кузенов... и это было чрезвычайно странно... эта династическая, иерархическая непринуждённость на набережной Кьяссо.

Никогда ещё эти три молодые женщины не виделись с того самого времени, когда проводили вместе дни и ночи в монастырском пансионе, где Этри приобрела дружбу этих респектабельных и достаточно лестных для её самолюбия подруг.

Она вспомнила воскресенья и каникулярные дни, проведённые у королевы в изгнании, в Пасси, где принцессы ей показывали с гордостью, в уединённом павильоне, портреты короля, их отца, и многочисленные флаги и штандарты былых времён, снятые с древков, спасённые от натиска воспалённых ненавистью к приличным людям люмпенов, к так называемым узурпаторам, кои раньше покоились в их дворцах, выцветшие в долгих доблестных походах, испачканные глиной окопов, пробитые вражескими пулями, и даже испачканные кровью бесстрашных воинов. Этри даже покрывалась мурашками, глядя на них, настоль она верила в эпические чудеса. Там же стояли стеллажи, где под стёклами выстроились рядами коллекции старинных монет и пистолетов. Ко-

роль, искусный стрелок, коллекционировал оружие и собрал славную коллекцию его образцов. Огромный портрет самого короля в центре зала представлял его в форме генерала, этакого фата и донжуана, правда, немного толстоватого. Этри, тогда ещё ребёнку, хотелось бы, чтобы он выглядел потеатральней, постройнее, как принц из детских сказок. Но блистательная военная форма, кровавые трофеи, прекрасные дамы на заднем плане и её воображение девятилетней девочки делали из него, тем не менее, сказочного героя.

Те времена в Пасси всегда начинались с партий игры в прятки. Затем они отправлялись в комнату принцесс, большую белую и голую комнату, со стойким неприятным, затхлым запахом, который впоследствии у Этри всегда ассоциировался с её детством. Три маленькие железные постели, покрытые белым лаком, были установлены вдоль стены и большая королевская корона с золотой лилией для них служила балдахином.

Одного взгляда на своих старинных подруг хватило Этри для того, чтобы все эти воспоминания промелькнули в её голове. Донья Джозефа, с любезной улыбкой, рассказывала о своих, в то время как Донья Алисия интересовалась жизнью Этри. Их прелестные манеры были сравнимы с художественным произведением, они доставляли эстетическое удовольствие своей красотой и гармонией. Эти инфанты, одна-

ко, при всем том были простыми, весёлыми, и немного наивными, как почти все Принцессы, и Этри подумала о красивых нежных экзотических плодах, которые выращивают в оранжереях, оберегая от вредного воздействия местного климата.

Между тем таможенник, остепенённый протоколом, уважительно приблизился к княжеской семье, и, включив в их «свиту» заодно и Этри, присовокупил к их багажу её чемоданы, и даже багаж Флош, после чего, целуя руки сильных мира сего, сообщил, что не им совсем не обязательно открывать чемоданы и предъявлять их содержимое к досмотру.

Время поджимало. Этри почтительно склонилась с к рукам этих небесных аристократок, покрытых крупными драгоценными камнями, и возвратилась в свой вагон.

Флош, которая из окна следил за всеми перипетиями происходящего, ничего не поняла в этом приключении.

– Какие у вас есть красивые знакомые, моя дорогая! А я их принял за немок-гувернанток. Ах! Они удостоены чести путешествовать вместе с вами! Впрочем, из этих трёх женщин, именно вы и только вы казались мне достойном обращения «её Высочество»!

Этри немного презирала свою подругу за этот пассаж, отдающий откровенным подхалимство... но ничего не сказала и лишь посмотрела в окно.

Все устраивается само собой, как говорил один мудрец. Поезд тронулся, несмотря на забастовку, и две подруги, счастливые, что им удалось ускользнуть от крупных неприятностей, следили за меняющимся по мере продвижения поезда пейзажем вдоль голубого цвета озера Кома... рука об руку, нос к носу у окна в коридоре.

— Это действительно Италия, и моё Комо, встречи с которым я так ждала! — воскликнула восторженно Флош, — сколько лет прошло с тех пор, как я гуляла по берегу этого озера. Но сколько утилитарной изобретательности у людей, лишённых поэтичности! Посмотрите на эти меловые сооружения для жизни аборигенов... бесконечные... и почему их там воткнули, я вас спрашиваю? Чтобы есть, спать, производить грязь и прочие отходы своей жизнедеятельности! Что касается меня, то среди такой прекрасной природы я тысячу раз предпочла бы жить лучше обнажённой, как Адам и Ева, заниматься любовью, есть съедобные корни и варёные яйца!... (Тут Этри принялась смеяться.)

— Вы...! Как вы можете! В вас нет ни серьёзности, ни поэтичности... и это меня очень удивляет, так как вы мне очень

симпатичны!

Этри была счастлива, узнав, что она симпатична Флош, но главным образом тому, что они с ней все равно остались настоль же далеки, как и раньше... несмотря на такую интимность, к которой их вынуждала находиться обстановка поезда!

Они приближались к Милану, и их нетерпение, связанное с ожиданием этого события, накладывало свой отпечаток на эти однообразные и тягостные последние часы перед прибытием на Миланский вокзал. Впрочем, Ломбардия, которую они пересекали в этот момент, однообразно покрытая зелёными виноградниками... и такими же зелёными коренастыми шелковицами, оказывая на них гипнотическое воздействие, вводя в сопорификическое, полусонное состояние. Однако классический энтузиазм Флош вынудил Этри обратить внимание на её подругу. Снисходительно посмотрев на неё, она встала... потом вновь села... поднялась ещё раз, чтобы посмотреть в окно и на свою подругу... и так несколько раз, после чего изобразила на своём лице усталость.

– Неужели вы заболели, моя дорогая подруга? Боже! Как я довольна. Я вас люблю все больше и больше, несмотря даже на то, что ваше совершенство лишь подчёркивает мои слабости и недостатки. Ах! Вы прелестны и очень симпатичны!

Ради вас я готова на все...! – И после небольшой паузы продолжила, – Держите, вот моя подушка, моя шаль и соли лаванды...

В оглушительном ритме тарара-бом-бом-тарара о стыки рельс поезд прибыл на вокзал.

Наши паломницы сошли на Миланский перрон. Отдавая свои билеты они заметили бежевый костюм и шляпу типа «Панама» с торчащим из под неё заострённым носом под тенью её полей.

– Художник! Художник в Милане, моя дорогая Этри, какая радость!

Флош, кудаятая и похихикивая, как потерпевший кораблекрушение путешественник из Лондона в Америку, заметивший вдруг парус в океане. Это был действительно Художник.

– Мы тебя забираем вас с собой! – сказали они ему – Но скажи нам сначала, какой случай тебя привёл сюда...?

– Я знал, что вы уехали... и появитесь здесь... вот я и приехал. Отошлите меня прочь, если у вас нет сердца.

– Вас отослать прочь! Об этом не может быть и речи... Мы, напротив, увезём вас вместе с нами! Возьмите наши пакеты, bags... hold all, всё... одним словом!

С тех пор они также путешествовали с пустыми руками, как и их Высочества, с которыми Этри недавно повстречалась. Сама Этри вошла во вкус и нашла прелестным отдых, будучи освобождённой от любой материальной заботы и сохраняя себя открытой для радостей жизни, которые она обещала себе, отправляясь в это путешествие. Художник служил ей отныне каптенармусом и лакеем-грумом.

Часть IV

Милан, Городской отель.

– Мадам, для вас у нас есть прекрасные апартаменты, две кровати, и всего 12 франков... Но у нас нет никакой свободной «смежной с вашей комнаты» для синьора... и портье указал на Художника.

– M^ôssieu? Мусьё, как мы, французы, называем таких надменных типов, неужели вы ничего не можете сделать для нас что-нибудь в таком случае?! – возмутилась Этри.

– Тогда, дамы, давайте поднимемся в ваши комнаты, а уже потом подумаем.

Итак, три часа, толстяк-эконом гордо шествует перед ними, как человек с претензиями, этакий местный трагопан-сатир. Циркулируя по длинным коридорам, Этри читает вначале номера комнат, затем таблички на них: Купальни... Сад...

– Сад? Как, гарсон, – обидела она гордого толстяка, понизив его в должности, – неужели за этими дверями располагаются сады отеля... как они оказались там?

– О! Да, синьора! Они есть на всех этажах, – и его рот в этот момент хотел выдать что-нибудь остроумное, – это просто места для хорошего настроения... отхожие места.

– Ах! Вполне непринуждённое отношение к терминам.

И она ещё больше, заранее, полюбила Италию, страну, где туалетные комнаты называют «Садами».

Прибыв в свою комнату, Флош попеременно, без разбора, раскидала свои пакеты, перчатки и шляпки на кроватях. Затем, даже не смотря по сторонам, выдохнула:

– Ну вот! Пожалуйста! Мы видим наши прекрасные апартаменты за 12 франков... с видом на грязный двор! Приехать из Парижа в Милан... чтобы посмотреть, как жарят камбалу во дворе отеля... Я от этого умру!

– О! Милая Флош, не могли бы вы оказать мне любезность и подождать несколько дней, прежде чем сделать это? А пока что, побыстрее выберите себе кровать! – Ответила ей Этри.

– Хм, неужели в подобном коровнике какое-то значение имеет, где находится подстилка!

И Флош присела на самую удобную кровать, и уже из этого

форпоста она начала раскладывать свои вещи. Вскоре Этри бросила взгляд по сторонам, недоумевая, почему комната показалась ей столь тесной, и увидела, что буквально каждый её сантиметр Флош отметила своим присутствием, разбрасывая на всей мебели губки, шляпы, кисти и покрывала.

– Побыстрее, моя дорогая подруга, – сказала ей Флош торопливо, – нам пора выходить, мы уже и так потеряли столько времени зря... ценного времени... времени, которое нам стоит, откровенно говоря, девять сантимов час. Я сделала точный расчёт, поделив затраченные нами на поездку деньги на длительность нашего путешествия.

Дамы быстро немного подремонтировали свою внешность, привели себя в порядок, попудрив личико, нанеся ярко красную помаду на губки и, поменяв грязные после поездки дорожные платья, на нарядные, как на прогулке по Елисейским полям, спустились по парадной лестнице симпатичного Городского отеля.

Художник уже ожидал их... он арендовал для них фиакр и предложил провести первый час без всякого плана, просто сделав импровизированный «кружок» по городу. Прямо перед ними в узкой и густонаселённой Корсо Витторио Эмануэле открылся вид на внушительный купол церкви Сан Карло аль Корсо.

– Уберите это от меня! Скройте это с глаз моих! – взвыла Флош, заламывая руки перед своими глазами в классическом жесте, изображающем ужас.

Она знала, что следовала правилам хорошего вкуса, дискредитируя произведение современного искусства и архитектуры. Этри, напротив, объективно, посмотрела на храм. Анфилада колонн и её сочетание с куполом показалось ей красивым, несмотря на несколько шокирующих деталей, а площадь перед ней интересной, как лоток для свадебного торта.

Пренебрегая большими улицами, они осмотрели несколько старых домов с неровными каменными лоджиями, опутывающими их, словно кружевами, затем ряд церквей, на которых, в связи ближайшими праздниками, висели гирлянды больших драпировок матово красного цвета, а их нефы подходили на брачные альковы, отбрасывая приятный и тёплый пурпурный отблеск.

– Я голодна, – внезапно сказала Флош.

– Прекрасно, – сказал Художник. – Кучер, быстрее, Кафе Балди!

Этри показалось, что она оказалась в Австрии, в Вене – всё та же немного крикливая элегантность богатой европейской провинции – никакой утончённости, рафинированности и изысканности Коломбины и других парижских tea-rooms. На столы из тёмного мрамора облокачивались женщины, головы которых были украшены страусиными и павлиньими перьями.

Флош, с глазами изголодавшегося ребёнка, заказала для своего живота оргию из чая, мороженого, пирожных... Но, съев одно, она вдруг задрожала, а затем побледнела. Неужели она вспомнила о двух своих принципах: экономия и умеренность?

Но этот разгул, а именно два франка двадцать сантимов, оплатил художник, после чего Флош моментально успокоилась.

– Вы говорите о двух франках двадцати сантимах за нас всех! Два франка двадцать? Он ошибся, этот добрый малый! Это невозможно, это – сумасшествие! Мы просто не смогли бы съесть в Париже 12 пар пирожных, 3 мороженных, 2 разных сорта чая, пиво... и всего за 2 франка 20 сантимов! Мои друзья, я вполне счастлива! Наша поездка нам не будет стоить ни одного су!

И они встали со словами «Итак, в путь!».

– Да, да, в дорогу... и побыстрее, – продолжила Флош. – Теперь нужно всё это переварить.

И Художник, только что наглядно сыгравший сценку из спектакля под названием «Аттракцион невиданной щедрости», скомандовал кучеру: – «Отель Модрон»

Вдоль длинного замызганного канала, тянувшегося перед домами, стены которых были обтянуты, словно морскими канатами, ветвями виноградной апрельской лозы, и закрывая проходы между домами и скрывая развешанные на верёвках постиранные остатки былой роскоши жильцов этих домов. Немного дальше, Этри, отбросив все плохое, и сконцентрировавшись лишь на положительных эмоциях, воскликнула:

– Ах! Как это красиво, мой дорогой Художник! А что это за балконы? Это что, уже отель Модрон?

На маленьком канале, берега которого были выложены крупными камнями, которые скрывали ветви больших плакучих ив, стояло заброшенное, с виду здание. На его террасе на мраморных подушках присели две прекрасные сирены. Они своими тонкими руками обнимали рог изобилия с эк-

зотическими плодами, склонив над ними свои головы. Их одиночество оживлял заброшенный фонтан. В глубине сада тянулся двойной ряд светлых и стройных колонн, обвитых какими-то безумными нитями плюща и кустами роз. Закрытые ставни скрывали от пылких лучей солнца жёлтые и голубые витражи.

Жизнь остановилась в отеле Модрон с тех самых пор, как завершилась эпоха роскоши. И два старых дерева, омрачавших своим плаксивым видом эту средневековую террасу, лишь удостоверяли их верность весне и двум сиренам, сидящим в их тени на мраморном постаменте.

Паломницы, проникшись аурой Модрона, решили отказаться от дальнейшей экскурсии, чтобы не «разбрасываться» на другие удовольствия, даже на искусство, и возвратились в отель.

Вечером они пошли ужинать в Гамбринус. Там, трое друзей снова окунулись во вселенский шум голосов, стоящий над столиками ресторана, в котором венские дамы на эстраде доминировали над консьерже с пашотом и макаронами. Перепоясав свои талии лентами цвета увядших роз, с рассеянным видом, подкрашенные, словно балерины на сцене, эти печальные девушки вполне серьёзно играли роль Коппелии.

Паломники решили съесть что-то сугубо итальянское. Перебрав меню, они выбрали суп Минестроне, равиоли, макароны, ризотто и поленту.

– Что за прекрасное масло подают здесь! – воскликнула Флош, в уголке губ которой таял кусочек этого самого масла, – наш дорогой Антуан Рюмпельмаер в своей кондитерской «Анжелине» постеснялся бы делать свой знаменитый шоколад из другого масла, кроме Миланского, и я думаю, что он стал популярен исключительно благодаря этому. Впрочем, это широко известный факт. Но есть ли что-то ещё, столь же знаменитое, из Милана! Ах! Да, мухи! Миланские мушки! Сеньор! Так это правда... К счастью, сейчас ещё не сезон на эту напасть!

– Вы, наверное, имели ввиду шпанские мушки, – отшутилась Этри, глядя на недоуменное лицо Художника после этих слов Флош, и украшая таким образом ужин, в то время, как Художник стал насвистывать арии из итальянских опер, сопровождая их комментариями по длинному и путаному маршруту меню из итальянских блюд, вин и мелодий, выбранных и сыгранных венскими дамами за соседним столом.

Гамбринус был расположен под огромной стеклянной галереей сомнительного вкуса, но судя по всему, был чрезвычай-

чайно ценим миланцами, посвящавшими ему добрую часть своего досуга.

Этри, выходя из ресторана, толкнула бедром маленький столик, замаранный остатками пива и лимонада, и побеспокоив этим движением сидящую за ним одиноко пьющую персону, синьора, отрешённые глаза которого, казалось, следовали лишь за дымом его маленькой вересковой трубки. Господи! Это был Дик! Как она могла забыть о нём?

С той же беззаботностью, а ля Боттичелли, в таком же домотканом костюме, home-spun, и галстук расцветки, как говорят, «глаз форели», и с таким видом, что глядя на него, можно было сказать, что он еле-еле сдерживается, чтобы не зевнуть, он сидел за грязным столом. Его руки с тонкими запястьями, смешно торчащими из под манжет шёлковой рубашки, бледнели неясной тенью под отблеском клубящейся трубки Курье. Эти мелкие, но важные детали невольно задели душу Этри. Слегка взволнованная, она хотела немного продвинуться вперёд, чтобы показать... разъяснить ему, по крайней мере, что это всего лишь неслыханный случай... их встреча с ним здесь. Но у неё уже не было времени, чтобы действовать таким образом, поскольку два компаньона Этри увлекли её на миг задумавшуюся персону вперёд и вытащили прочь из этого человеческого муравейника.

Тёмная аллея тонула в глубине в ярких отблесках света, и Купол собора, изрезанный тенями вычурных горгулий, словно свадебный торт на фоне неба цвета розового фламинго, вкупе с видом на соседний грязный переулок был одновременно удивительным и фантастический. Все вместе, втроём, они с наслаждением любовались этой фантасмагорической картиной.

В этот момент, около них, на фоне все того же розового неба, замаячил приближающийся к ним силуэт Дика. Этри больше не сомневалась, что он её узнал и последовал за ней, и кровь прилила к её голове, она ощутила, что «её голова оказалась на земле, а ноги на небесах», и непроизвольно стала падать на мостовую.

– О! Нет! – воскликнула возмущённая Флош, – будьте внимательнее! Кого вы там толкнули? Здесь темно... Это что-то мягкое... ребёнок! Мои друзья, это маленький итальянец... бедный маленький итальянский попрошайка, которых и без того полно в Париже! Стоило ради этого ехать в Милан?

И она бросила ему два су.

В ту ночь Этри мечтала о Дике. Она представляла, как в позе античного японского божка он её обнял и поцеловал. Она почти чувствовала, как тело её пробуждается, осязала его длинные тонкие пальцы, которые, чтобы его губы могли добраться до её рта, приподняли её подбородок. И его взгляд! Где-то она уже видела эту силу, это одновременное выражение грусти и неизмеримого сладострастия? Этот взгляд «который, вмещал в себя всю Троянскую войну в Илиаде Гомера»!

Флош её вытащила из этого вороха воспоминаний и мечтаний:

– Вам хорошо спалось сегодня? Не знаю, как вы, но я превосходно выспалась. И я вас люблю, моя дорогая подруга, – продолжила Флош, вытаскивая свой платок, – потому что, что вы – как неразумная девушка... О! Что это? Там... Там! Блоха! Этри, Блоха! (Флош выпрыгнула долой из постели) ... одна... большая... нет, огромная... коричневая... с длинным туловищем! Что я говорила! Грязная Италия! Приехать сюда за тысячу лье, чтобы тебя искушали итальянские блохи... действительно... в этом нет никакого здравомыслия! Я устала от всего этого... А ведь только что я проснулась настоль счастливая от одной только мысли о том, что нахожусь около вас... в этом номере... в этой гостинице! А сейчас, как только я подумаю, что эти грязные звери будут сосать по оче-

реди нашу кровь, меня это совсем не радует. Если бы ещё у каждой из нас была своя собственная блоха, которая сосала бы кровь индивидуально... исключительно только у каждой из нас... и умирала бы после этого! И какой он сильный и ловкий, этот дикий зверь, его невозможно поймать! Впрочем, таким образом передаются все болезни, это хорошо известно. К тому же, в довершение всего, эти итальянцы... да они же никогда они не моются!

– Успокойтесь, – сказала Этри, – единственно опасные блохи – это те, которые кусают в ухо.

– Это правда? Вы прелестны! Моя дорогая, вы меня поражаете... Ваши исключительные познания в разных сферах, то, что вы знаете о таких вещах, это феноменально...!

– Не преувеличивайте, я просто наблюдательна, – рассмеялась Этри.

– О! Я восхищаюсь вашим умом... и не только им. То, что также прелестно в вас, так это то, что у вас есть свои собственные идеи... собственные мании... такие, как привычка открывать окна по утрам, чтобы чистый воздух дезинфицировал помещение. (И Флош бросила подозрительный взгляд по сторонам). Все это я вижу моим маленьким мозгом. Итак... посмотрите... вот на это, наверху, перед нами.

На мой взгляд это фронтон времён Наполеона. Я представляю, что он жил в этом отеле и должен был остановиться в этой комнате.

— Без сомнения... и номер 13 должен был принести ему счастье! 12 франков в день... конечно, он останавливался именно здесь.

И таким образом девушки беседовали вплоть до завтрака, который они съели в постели, перечитывая текущую корреспонденцию.

В десять часов утра, свежие как два горных ручейка, они нашли Художника в музее Брера.

Поражённая увиденным, Этри неожиданно остановилась перед монументальными фресками этого музея, после чего, увлечённая своим воображением, она молча удалилась от своих компаньонов и пошла одна по галереям, пытаясь сделать зарисовки с понравившихся ей картин в свою записную книжку, гибкими движениями рук и с суггестивным выражением лица. Но на что может претендовать художник-любитель перед лицом прекрасных ликов на картинах классиков пятнадцатого века, где отягчённые тайными страстями веки и губы, выражающие сомнение уголками рта лица уже предвещали появление да Винчи? Святой Рох Ам-

брождо Бергоньоне, какое двойственное впечатление произвела его обнажённая нога на бедную девушку, ведь его столь чистые и девственные, немного припухшие губы, очевидно, не знали поцелуя любимой? Хотя он и сам похож на девушку... И какой контраст с тонкими, но, очевидно, умелыми губами стоящего рядом с ним вполне brutального Святого Людовика Тулузского! Хотя, если присмотреться, и в нем было что-то женственное...

Ах! Бедная Этри! Какое это мучение, любоваться творениями итальянских классиков! Перед Аполлоном и Дафной её стали преследовать воспоминания, а не тело ли Дика изобразил Андреи Аппиани в образе молодого Бога? Аполлон, расставивший свои красивые обнажённые ноги под короткой распахнувшейся туникой, с открытой мощной шеей, за которую держалась своей томной рукой Дафна, открыв вид своей прелестной головы и лица. Этри жадно смотрела на этот рот, иронично, легко поднятые углы которого исправляли грусть взгляда, зафиксированного на теле Дафны. Нимфа, в то время как её ноги уже подогнулись под напором Аполлона, недвусмысленно предлагала свою напряжённую грудь губам любовника, и Этри даже слышал, как Аполлон шептал своей возлюбленной: «Я знаю ещё и другие поцелуи и другие сладострастные местечки для них!»

– Ах! Да, моя бедная, бедная Этри, во всём мире посто-

янно рождаются и «другие» поцелуи, но зачастую слишком поздно, чтобы успеть их попробовать. И почему Дик тоже не сказал ей: «Могу ли я показать вам и другие поцелуи?»

Этри вздохнула. «Впрочем, как выясняется в конце концов, всё самое важное, — сказала она, наконец, сама себе, — состоит лишь в том, чтобы сохранить как можно дольше красивые ноги. Ах! Боги Олимпа! Не играйте сейчас со мной в те же самые игры, что и с Дафной. Это должно было быть очень жестоко стоять там, рядом с ними, словно какая-то капуста, будь ты хоть Богом или даже человеком.»

Тем не менее, эти мысли, почти лишившие её сил после нахлынувшего на неё при виде этих картин возбуждения, опечалили Паломницу. С тяжёлым сердцем она продолжила ходить по залам музея, но вскоре вновь чувственное влечение захлестнуло её при виде обнажённых тел и сладострастных взглядов их обладателей на полотнах итальянских классиков.

Возле Обручения девы Марии работы Рафаэля и Святым семейством кисти Бернардино Луини Этри обнаружила своих компаньонов. Они громко веселились, довольно интимно, почти прижавшись друг к другу, перед этим до сих пор столь современным и столь живым шедевром. Флош и Художник посмеивались над тем, как Святой Иосиф занёс свою

руку за Богоматерью, словно хороший плотник, забывший ей подрезать волосы. Он, казалось, мягко шепчет ей: «Не пойдёшь ли ты со мной за город?»... и его глаза с поволокой искоса смотрят на неё! Ангелы позади него словно подтверждали: «Да... он первый парень на деревне». Этри также нашла эту картину чрезвычайно приятной и привлекательной, и даже весёлой, особенно после увиденного ранее. А как бы был удивлён Луини, увидев, на сколь белыми и прозрачными стали краски, сошедшие с его палитры, на сколь они побледнели за века, да до такой степени, что Этри поверила, что цвета эти были похищены им у перламутровых и молочных тел англичанок.

Флош пребывала в хорошем настроении после просмотра «произведений искусства, которые своими сочными красками проникли прямо в её мозг» – по крайней мере так она утверждала, и добавила, что хотела бы закончить это прекрасное утро в лавке у старьевщика.

– Иногда, именно такие дураки, как мы, находят «жемчужину» во всяком хламе... Вдруг нам повезёт, и мы наткнёмся на неизвестного Луини, да Винчи, Беллини! Кто может поклясться, что в углу затрапезной миланской лавки не лежит «Пиета» или «Ех-homme»! (она хотела, вероятно, сказать «Пьета» и «Ессе homo»). И почему именно я не могу попасть в эту точку и не наткнуться на шедевр?... Разве только

маркитанткам может доставаться главный приз!

Они вошли в ближайшую от музея лавку антиквара. Сражение между скупостью и любовью к деньгам ясно выдилось и читалось в её глазах, и было понятно, что крайне скупая Флош пребывает в нерешительности. Но в конце концов страсть приобретать что угодно быстро победила все остальные её милые качества. Лихорадочно, загнутой крюком рукой, словно веслом, она касалась всего, что было в лавке, беспорядочно бросая кружева на глиняную посуду, рамки картин на безделушки, ткани на бахрому. В одно мгновение бутик антиквара превратился в лавку, которую долго грабили, разыскивая бриллиантовое кольцо. Этри и Художник, смущённые этим варварским татаро-монгольским набегом, обеспокоенно смотрели на старьёвщика-антиквара, который, в надежде на удачный день, двумя руками пригоршнями услужливо предлагал свой товар их компаньонше. После долгих и безрезультатных поисков, Флош, с блеском в глазах, стала размахивать перед ними бесформенным предметом, чем-то вроде бубна или барабана в кружевах, покрытого зелёным шёлком, с ободком, инкрустированный мозаикой из слоновой кости, и который продавец-старьёвщик называл «Мажолином».

Он хотел за него пятнадцать франков.

– Пятнадцать франков! – воскликнула Флош, – Да вы сошли с ума, мой добрый малый! Полагаете ли Вы, что я так долго трудилась в вашей лавке, наводя в ней порядок, и потеряв на этом ценный час своей жизни, вместо того, чтобы осматривать шедевры Милана, буду благодарить вас за такое щедрое предложение...? И после всего этого вы мне предлагаете заплатить за эту грязь пятнадцать франков? Вы сошли с ума. Я вам предлагаю щедрые сто су. И то, только по доброте душевной...

– Но, мадам, я не могу согласиться на это предложение. Мне нужно на что-то жить и что-то есть. И не мне одному... У меня пятеро маленьких детей. И я должен их кормить. И вы не знаете, как мне пришлось потрудиться, сколько всего мне пришлось перенести, сколько вещей перелопатить, прежде чем я сам отыскал эту безделушку... И потом... моя «Мажолин» очень красива...

– Нет, нет! Тысячу раз нет! Максимум сто су, говорю я вам! Мне кажется, что вы меня не слышите. Только задумайтесь, это позволит вам дать по восемнадцать су каждому из ваших херувимов... восемнадцать су на нос, на каждого из ваших деток... вы меня слышите? Что касается безделушек, то не нужно мне рассказывать анекдотов. В Италии, таких как эта, все равно, что каштанов в лесу! Всем это известно.

И протягивая ему Мажолину, она сделала жест, как будто собирается уйти.

– Прошу прощение, мадам, прошу прощения, но я не могу вам столь дёшево уступить эту безделушку. Добавьте, по крайней мере, несколько су мне на табак!

– Хм...! – Флош повернулась к Этри, и шёпотом спросила. – А что вы думаете об этом, моя дорогая подруга? Эта грязная штукавина, стоит ли она такой доплаты? Она не повреждена? Посмотрите, у вас зоркие глаза... а рукоятка? Какой она эпохи?

– Ручка от этого предмета...? Она прелестна... чеканная, и действительно, хозяин прав, только она одна стоит пять франков.

– Браво, браво!

И тогда, обращаясь к торговцу, Флош ласково сказала:

– О! Действительно, мой друг, ваша штукавина мне нравится, и я, пожалуй, соглашусь на предложенное вами повышение цены за счёт табака для вас... упакуйте мне её, а вы, Художник, даёте этому меся несколько сигарет.

Художник предложил пачку сигарет торговцу, а Флош в это время, повернувшись к ним спиной, тихонько прихватила кусок кружев с витрины и засунула их за корсаж своего платья.

Возвратившись в отель, они снова стали собирать свои чемоданы и пакеты.

– Никогда, никогда, – хныкала Флош, – я не смогу разобратся в моей аптечке. Я же вас предупреждала, что мы не сможем обойтись без горничной в поездке. Моя милая Баптистина мне бы мигом привела в порядок... эту настоящую мозаику. А что мне делать со всем этим сейчас? Я такая недотёпа... настоль неуклюжа. Если бы, по крайней мере вам, Этри, вдруг захотелось мне помочь. Но вы – чистейшей воды эгоистка, как и все счастливые женщины, думающие только о себе! Если вы мне не поможете, мне придётся взять это всё в свои руки.

– В свои руки! А что, их у вас нет? Двигайтесь немного энергичней. Призовите на помощь вашу старинную кровь Людовика Толстого, и продолжайте разбирать ваш чемодан.

– О, моя дорогая, не торопите меня! Со мной не следует играть в этом жанре. Когда меня шокируют, давят на меня, я

превращаюсь в ёжика, сворачиваюсь клубком, голова между ног, и из меня невозможно больше ничего вытащить.

– В таком случае позвоните и вызовите гарсона.

– Ах! Какая находка!... Какая удачная мысль... Гарсон! Гарсон!

На зов Флош явился какой то старый дылда-увалень с дряблыми руками. Эти руки быстро все уложили, утрамбовали и искусно закрыли чемодан... это был настоящий шедевр.

– Моя дорогая, – воскликнула Этри, этот с виду простофиля... миланский дурачок, сделал свою-твою работу просто прекрасно. Этот процесс... как роды: умная и деликатная помощь... и «Пуф!» – ребёнок появляется на свет...

Готовые к отъезду раньше условленного времени, бездельницы сидели в холле отеля и ждали. Этри спросила Флош:

– А теперь объясните мне, почему вы возите с собой всю эту аптеку на десять дней? Это немного... глуповато.

– Вы всё время говорите о том, в чём совершенно не раз-

бираетесь. Во-первых, я обязательно должна была взять с собой бутылки с дезинфицирующим средством и полосканием для рта... а как обойтись без Морской воды, керосина Ринальдо и спирта для спиртовки...

– Что это такое... полоскание для рта и Морская вода?

– Жидкость для полоскания рта? Но это для моего пенька... поломанного зуба. Смотрите... вот этот обломок... он великолепен, не правда ли? Итак, он нуждается в каждодневном уходе... Там, снаружи. Я должна постоянно обрабатывать его вяжущим лосьоном. Если этого не делать, я вполне могу потерять его за обедом в моем супе, или, что ещё хуже, он провалится в мой желудок, а оттуда в кишечник, который он непременно проткнёт своими острыми краями и я умру от внутреннего кровотечения. И я не понимаю, почему бы мне не заплатить моему аптекарю Берже за то, что он спасает мою жизнь с помощью своего чудодейственного лосьона.

– А «Морская вода»?

– Это, моя дорогая, гениальная находка, которую я сделала в Биаррице прошлым летом. И я похищала понемногу этой чудесной воды в Солончаковых ваннах... совсем немного... но каждый день... и так набрала себе 25 литров воды из Брискуса. Вы смеётесь? Это глупо. Эта вода чудес-

на для кожи... избавляет от морщин... Вы помещаете кофейную ложку этой чудодейственной воды во впадину морщинок, держите там пять минут и промываете питьевой водой. Великолепная американская леди... миссис... забыла её имя... иначе уже и не моется на протяжении последних двадцати лет... и вот результат-она-икона стиля для всех дам в нашем мире. И я сама уже месяц пользуюсь ей и чувствую, на сколь я окрепла за это время. (И она звонко хлопнула ладонью по своей груди, которая буквально зазвенела, как будто стукнули по пустой коробке и задрожала, пойдя волнами, как желе). Разве вы этого не заметили?

– Этри стала внимательно её рассматривать.

– Но... признаюсь...

В этот момент в гостиницу буквально ворвался Художник. Омнибус был уже у входа, и было необходимо срочно погрузить в него багаж путешественниц.

– Счёт! – закричала Флош. – Проверили ли Вы счет? Вы же знаете, что в Италии все мошенники. Внимательно рассмотрите его и проверьте. Здесь одни воры.

Вскоре, снова пережив толкучку Миланского вокзала, они оказались сидящими в переполненном купе поезда.

Внезапно Флош снова закричала Художнику:

– Деньги... Деньги, ветреник вы этакий... я уверена, что вы забыли мои деньги в бюро отеля! И после этого вы снова будете пытаться утверждать, что у вас присутствует здравый смысл! У того, что вы сделали, нет ни имени, ни названия! Это моя «Кубышка»! Как мы доберёмся без денег до Венеции? У меня при себе точно было лишь двадцать сантимов, чтобы доехать до вокзала. Идите... живей! Отправляйтесь на поиски моих денег, и когда вы их найдёте, то сможете присоединиться к нам ночным поездом.

Но Этри ему сделала знак ничего не делать, после чего расстегнула свою блузку и погрузила руку в свой корсет, из которого торчали две маленькие розовые ленты.

– Мои друзья, – сказала она им, – у меня есть своя маленькая кубышка... она приколата к моему корсету... И благодаря мне всё великолепно устроится, вот увидите. Моя кормилица привила мне эту привычку. Она сама помещала все свои сбережения в маленький мешочек из тафты в этом укромном местечке. И Этри вытащила маленький конверт небесно голубого цвета, перевязанный малиновой лентой. Казалось, что это маленький старинный пакет восемнадцатого века. Только, крупная пуговица из корозо, че-

рез которую были протянуты ленточки напоминала о происхождении этого произведения... родом из воскресного рынка.-Итак, вы хотите знать, какую субсидию я могу предоставить для успешного завершения нашего путешествия? – Её пальцы были всё ещё таинственно зафиксированы в корсете.

– О! Дорогая, – воскликнула Флош, – вы же видите, что мы уже готовы целовать вашу грудь.

В купе остальные пассажиры приняли их за актёров провинциальной труппы, отправившейся в турне по городам и весям, и обращались к ним достаточно фамильярно, к большой радости Этри, которая смогла вполне непринуждённо поговорить со своим соседом. Мимоходом, проезжая мимо какого-то города, этот мужчина произнёс его название-Брешиа... таким тоном и образом, как будто он целовал это имя. От этой неожиданной ласки Этри почувствовала, как маленькие муравьи удовольствия стали подниматься по её затылку... Брешиа... Со своей женской изобретательностью она сумела заставить своего соседа повторить несколько раз это магическое имя, чтобы ещё и ещё раз испытать неожиданное наслаждение. Муравьи вновь и вновь вгрызались в её мозг. Она закрыла глаза. Фрески Брера танцевали перед нею: Святой Рох с его тёплой раной и чувственным ртом, Аполлон с наготой его плеч и Дик, выделяющийся на розовом небе, рядом с Куполом... Увидит ли она ко-

гда-нибудь его снова, этого Дика? Поговорит ли с ним однажды? Появится ли у него желание ухаживать за ней? Обладает ли он изысканным вкусом, чтобы оценить таланты её ума и редкую красоту тела? Кем же нужно быть, чтобы игнорировать её существование?

Перед её бессилием понять и предсказать своё будущее, Этри быстро охватило отчаяние и она стала раздражительной. Муравьи спустились к её ногам, где они уже в высшей степени раздражают, а не возбуждают, что известно любой женщине.

– Нужно пойти в вагон-ресторан и «принять пищу», – изящно выразилась и решила за всех Флош.

Там они оказались в толпе пассажиров и клубах густого и застойного табачного дыма, клубившегося чуть выше пустых и не совсем бутылок. Этри всегда нервничала при таких «приёмах пищи» в заведениях, подобных осушённому аквариуму, где посетители, буквально липнущие друг к другу из-за тесноты заведения, не могли поднести руку к своему рту, не почувствовав тёплого контакта со своим соседом. Гарсон, двусмысленно балансируя между поездными гурманами, как цирковой эквилибрист, с траурными каёмочками под ногтями, рассеянно бросал на тарелки пищу, обливая их одежду каплями жира и соуса. Затем он убегал, вольтижируя

с полотенцем в руке, в своей отвратительной ливрее из лавки старьёвщика, но настолько пригнанной к его телу какой-то опытной швеёй, что костюмчик казался его второй кожей.

После того Флош тщательно протёрла свои столовые приборы и стакан, она триумфально продемонстрировала всем покрывшуюся черными разводами салфетку и заявила, что она была бы очень счастлива, если бы точно такая же грязь не оказалась в её животе после употребления всего того, что она не имеет возможности протереть.

– Гарсон! Минеральной воды, прошу вас! Спасибо! Итак, «Cicina», натурально газированная вода из Альп!» Так утверждает эта этикетка. Затем Флош прочитала громко: «Пить по одной бутылке в день... Катар пузыря, блуждающие почки, критический возраст!...» Это превосходно, все мои симптомы. Налейте себе, Художник, и пейте, сколько сможете. От пуза, что называется...!

Часть V

– Verona! Верона! – Хриплым голосом трубил начальник поезда. Было десять часов вечера. Глубокая ночь. Флош поднялась и посмотрела через окно.

– О... Какая поэзия в этих звуках! Верона.... могила Ромео и Джульетты! Давайте хоть мельком взглянем на это священное место.-и она открыла окно.-Что? Это Верона? Но, Господи! Это невозможно... ведь это так уродливо! Здесь все темно, и ни одного намёка на приличную архитектуру... плоское тёмное поле... ничего не видно... ни одной церкви... ни одного Лоренцо на перроне, не говоря уже о Ромео... и как воняет! Господи, какая чушь...! – и произнеся эту монументальную речь, Флош присела на полку.

Одиннадцать часов... все та же чёрная ночь.

– «Venezia! Венеция!» – протрубил начальник поезда.

– Ах! Мои дорогие друзья, вот мы с вами и прибыли... в Рай! – И Флош высунулась в окно. – Я узнаю... я всё узнаю... все вокруг!!! – И она, призвав к себе остальных Паломников, профессиональным голосом гида стала объяснять: «Посмотрите... это – дамба... там... дальше... лагуна,

а слева от нас море... наверху – небо, а внизу-луна, которая отражается в воде. «Ах! Venezia! Venezia!» – напевала она, разводя волнами руки в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.